

БРИГАДНЫЙ СТРЕЛОК

Продолжение. Начало в номере 3/2008

Владимир МОЗГОВОЙ
фото автора

А затем на горизонте мы увидели танки. Их было много, не меньше, чем при сражении на Курской Дуге. Они стояли повсюду, на каждом холме. И они все горели. Горели и дымились. Через маленькие окна бойницы нам было видно, как в ближайшем к нам танке мечется в огне под броней, не находя выхода, механик-водитель, а густой черный дым валит из направленной к небу пушки. А ля герр ком а ля герр! Мы поспешили на помощь, но опоздали. Вокруг «рахита» (так механики-водители тяжелых вездеходов ГТТ презрительно называют на севере легкие ГАЗ 73) повсюду валялся расстрелянный боезапас. Около трех ящиков. Все бутылки были литровыми. Снег от тяжелых боев экипажа с зеленым змием стал ярко желтым в радиусе десяти метров вокруг вездехода и сильно демаскировал «огневую точку».

– Превед, красафчеги! Живые есть? – открыв задний люк, с безнадегой кричу в вездеход.

– Не совсем, но сейчас будем! – уверенно заявляет со своего сидения механик водитель и показывает мне очередной литровый «снаряд».

– Залазьте внутрь, мотоциклисты!

С мороза в салоне очень жарко, вкусно пахнет вчерашним алкоголем, табаком и арктическим соляром. На «буржуйке» по-домашнему булькает чайник. Кроме механика в вездеходе еще четыре человека. На красных лицах нет ни единой морщины, но не видно и глаз. Да, тяжело пришлось мужикам. Знакомимся.

– Давно «воюете»?

– Неделю. Пусто, – угадывает мой следующий вопрос сельчак механик. – Может хворь на него какая напала, типа ящура? Давно из Прохоровки? Что там говорят? Настрелял кто-нибудь? Куда идете?

Мигом очумевший от вездеходного амбре, я даже не сразу понимаю, что Прохоровкой он называет Норильск. (Фамилия владельца «Норильского никеля» – Прохоров)

– Кто знает, может и напала. Вышли в ночь. Встреченные вездеходы все порожние возвращаются. По слухам, на той стороне озера Пясино тоже пусто. Идем на озеро Собачье к Ивану Степанову.

– Отож! Вот и мы сейчас допьем и домой. Завтра отгулы заканчиваются. Ивану привет. Шурпу оленью не предлагаем, сами «Дошираком» постимся неделю. Зубы давно чистили? Ну, тогда по пятьдесят граммов для гигиены.

Потом было пятьдесят «за знакомство», потом «за любовь» и еще пятьдесят «за здоровье». От выпитой водки, от горячего чая с лимоном, мы с Олегом согрелись возле жаркой печки

до испарины. Неудержимо начало клонить в сон, но пора и честь знать. Надеваем оттаявшие защитные маски, очки и снова на мороз. Рассвело уже окончательно. Только прогрели снегоходы и тронулись, как я увидел оленей. Три табуна, в каждом голов по пятнадцать. Прошли мимо нас рваной цепью в четырехстах метрах. Заметили оленей и на других вездеходах. Взревели двигатели, лягнули гусеницы, и началась погоня.

Знаете что главное на северных моторизованных охотах? Нет, не мощный и надежный снегоход, не многозарядный карабин и не теплая одежда. Даже не ЖиПиЭс, и даже не новые запасные батарейки к нему. Главное, чтобы «башню» не снесло, когда увидишь зверя. О! Сколько техники здесь было побито, сколько людей покалечилось и погибло, потому что охотничий азарт возобладал над разумом и чувством самосохранения! В сумерках, или в пасмурную погоду в тундре тени нет, и весь снег кажется до горизонта ровным полигоном. Все внимание на убегающую дичь, полностью выжата ручка газа и вот он, чуть припорошенный валун или твердый как бетон снежный заструг. Пусть это не айсберг, но ваш снегоход, хоть и не «Титаник», летать не умеет. В прочем и вы тоже, раз оказались на дне этого неизвестно откуда взявшегося глубокого распадка со сломанной рукой, ногой, шеей (нужное подчеркнуть). А ведь только что были живы и здоровы на вроде безобидном пологом горном склоне. Вас вовремя найдут (то есть пока вы не превратились в замороженный в причудливой позе манекен, который обглодали вечно голодные песцы) только если случится чудо. Даже если у вас фамилия Маресьев, вы вряд ли доползете до далекого, как звезды, желанного и теплого, как женская грудь, человеческого жилья.

Только «сын ошибок трудных» – опыт – не позволил и нам сразу пуститься, обгоняя чадающие соляром тихоходные утюги-вездеходы в погоню за этим табуном. А хотелось, и очень хотелось. Но наверняка оленей в ущелье встретит очередной «бронированный» заслон, стадо свернет, засвистят пули и посыпятся пластмассово-железным дождем в вездеходные люки пустые рожки от «Тиров» («Тигров?»), «Вепрей» и «Сайг». Плавали, знаем. Не радовало нас оказаться подстреленными в «котле», попав под перекрестный полуавтоматный огонь, словно глупые годовалые телки. Что-то подсказывало, что это еще не наши олени, надо идти дальше. Через пару километров увидели свежий олений переход и пошли по следам. Снег копытами вытопан до земли – не тропа, а Тверская! Прошло не меньше сотни! Сворачиваем к горам, и вот они! Олег справа распадками обходит стадо, я слева огибаю табун и через пятьсот метров прячусь под мерзлые кривые лиственницы на

вершине холма на крутом берегу безымянного ручья. Прямо Ли Харли Освальд! Осталось только дожидаться кортеж президента. Олени услышали снегоход Олега и шустро покопытили в горы, но два быка со своими гаремами свернули прямо в мою сторону. Если и дальше пойдут низиной, то окажутся от меня не далее чем в пятидесяти метрах! Во свезло! Глушу «Поларис», достаю карабин, передергиваю затвор и снимаю с предохранителя. Из-за бугра показывается бык. Не бык, красавец! А рога-то, рога! Вот это трофей! Ай да я, ай да сукин сын! Все рассчитал!

Бык ведет за собой семь важенок. Это первый гарем. До него сто пятьдесят метров.

Так! Работы прибавится, пока их всех обдерем и разделаем...

Сто метров. О! Идея! Возьмем только языки, а ошкуренных оленей сложим здесь же. Отметим точку на ЖиПиЭсе и передадим координаты Ивану Степанову, а он их вездеходом забрет на обратной дороге. Да, жаль, что так быстро охота закончилась, все лицензии закрою одним махом.

Пятьдесят метров. Пора!

Сбрасываю перчатки, вскидываюсь и ловлю в телевизор коллиматорного прицела «Бушнел Холосайт» седую грудь быка. Моего быка! Указательным пальцем правой руки нащупываю кнопку включения прицела. Нажимаю. Красного маркера нет. Что такое? А! От волнения не ту кнопку нажал! Отнимаю карабин от плеча, и жму со всей силы на правильную кнопку. Опять вскидываюсь и смотрю в прицел. Могучая бычья грудь занимает почти весь экран, но голографического маркера на нем по-прежнему нет! Растяпа! Чайник! Тупица! Тебе не только фамилия, но и головной мозг достался случайно! Кретин! Это ж надо было только додуматься зимой взять на север коллиматорный прицел с питанием от батареек! Сели они за девять часов на таком морозе! Тоскливым взглядом неудачника провожаю последнюю, по-прежнему не прилично языкатую важенку. Когда красавец бык благополучным галопом скрывается за речной излучиной, унося от меня на себе великолепные трофейные рога, пытаюсь еще раз включить прицел. Бес-

полезно. Бобик сдох! Ну и как мне теперь жить с таким позором?! Появляется второй бык и с ним восемь важенок. Что делать? Ну не снегоходом же их давить?

До стада сто метров. Этот бык явно мельче первого, да и рога так себе. Или достать дробовик? Так пуль-то и нет, одна «пятерка» на куропатку. Что делать-то?

Пятьдесят метров. А, будь что будет!

Вскидываюсь, ловлю бычка в «телевизор» и нажимаю на спусковой крючок. Выстрел. Стадо на махах стремительно проносится мимо. Прерывисто нажимая на курок, рисую «телевизором» прицел на олене синусоиду. Та-та-та-та-та-та-та-та! Все, магазин пуст! Н-да, приплыли! Такой охоты у меня еще не было! Убираю бесполезный карабин обратно в чехол, завожу снегоход и спускаюсь с бугра на олени следы. Надо хоть глянуть, куда они пошли, потом связаться с Олегом, может он их догонит? Проезжаю сотню метров и замечаю... кровь! Попал! Подранок! Крови на снегу становится все больше. Поднявшись на очередной бугор, вижу на лайде важенок, они постоянно останавливаются, оглядываясь на своего тяжело бредущего господина.

А жизнь-то налаживается!

Подъезжаю к быку метров на тридцать. Попал хорошо! Эко его шатает. Теперь дело за малым, надо просто подождать, когда олень ляжет, а потом добрать его «пятеркой». Бык останавливается и поворачивается в мою сторону. Останавливаю и я, чтобы из чехла достать дробовик. Снимаю перчатки и, ковыряясь с замершей «молнией» краем глаза замечаю, что бык-то не и ложится вовсе, а несется на меня, опустив к самой земле свою рогатую голову. Ничего не понимаю! Может потому, что на мне светло-синий костюм и снегоход голубого цвета? Да, но на обтянутого в узкое трико тореро я совсем не похож. Удирать уже поздно. Судорожно рву на себя приклад «Тикки», снимаю с предохранителя, привстаю, вскидываюсь и почти не целясь, стреляю не далее пяти метров между ветвями рогов.

Бык продолжает свой бег с тупой настырностью бульдозера. Второй выстрел приходится вообще в упор. Уже безды-

ханное оленьё тело снарядом врезаётся в снегоходный кенгурин, мигом перекрашивая «Поларис» и мой костюм в красно-кровавый цвет. От удара теряю равновесие и лечу в обнимку с «Тиккой» через лобовое стекло прямо на безжизненное тело этого рогатого камикадзе.

Ничего себе за хлебушком сходил! Меня трясёт. Сильно. И не от холода. Вызываю по радиации Олега и узнаю, что он пустой – олени ушли таки в горы, и гоняться за ними по голым камням – гиблое для снегохода дело. Он вернулся на вездеходную дорогу. Забиваю его координаты в свой ДжиПиЭс, потом цепляю веревкой к фаркопу рогатый «травоядный ужас» и трогаюсь на randevu.

Чтобы помочь снегоходу справиться с крутым виражом картинно перебрасываю левую ногу на правую подножку и, работая всем корпусом, не снижая скорость, подъезжаю, хвастаясь трофеем, к Олегу. По размеру оленьи рога действительно не выдающиеся, но имеют две большие глазные лопасти и такую симметрию, какую я никогда не встречал ранее.

Олег уже достал из «бардачка» полиэтиленовый мешочек со шматом украинского сала, пачку хлебцев, термос и бережно разложил это богатство на крышке заднего багажного ящика. За многие годы зимних охот мы давно поняли, что лучшей закуски в стылой тундре не найти. Национальный продукт самостийной Украины легко строгаётся ножом в любые лютые таймырские холода, а хлебцы, в отличие от хлеба, не превращаются на таком морозе в кирпич.

«Слава Аллаху, что мы не мусульмане!» – с улыбкой подумалось мне и, разорвав целлофановую обертку, я уложил на ржаные хлебцы по два ломтика розоватого, пахнущего чесноком сала. Затем, расстегнув нагрудную молнию, достал из заветного кармана куртки подаренную дочерью на день рождения немецкую серебряную фляжку с охотничьей гравюрой.

Олег улыбнулся пузатому охотнику в тирольской шляпе с пером и ушастым спаниелем на фоне далеких Альп:

– Хоть и не «файф о'клок», но джентльмены пьют и закусывают. Ну что, Ганс, вздрогнем?

Дорогой подарок был залит перед выездом по самую пробку шотландским «топливом» «Джонни Уокер». Я с трудом открутил уже начинающими коченеть пальцами серебряную крышку-наперсток и, взяв из своего снегоходного бардачка изрядно потертый временем по-

ходный набор – четыре синих стограммовых пластмассовых стаканчика, плеснул фляжкой в два из них по пять радующих слух и наши мерзлые души «бульбулей».

– Ну, с полем! – понимая, что святотатствуем, мы выпили породистый виски одним глотком. Потом, соблюдая традицию, сначала закусили благородный напиток добрым вдохом холодного воздуха через тут же зашипавшие морозом ноздри и только после этого аппетитно захрустели хлебцами.

Затем налили в крышки от термоса крепкого чая с лимоном и, громко прихлебывая, не спеша, грели порядком застывшие руки. Подмигнув холену немцу, с наслаждением затянулись сигаретами.

Оставшиеся до избы пятьдесят километров мы рассчитывали проскочить еще до темноты, а значит надо было побыстрее разобрать еще не остывшего оленя и компактно разложить мясо по багажникам. Но нам не пришлось оленя даже буторить, потому что подошел вездеход. Не просто вездеход, а шведский «Лось», и шел он (во фишка прет!) на озеро Собачье. Мужики за пять минут разделали оленя и уложили на крышу вездехода его симметрично рогатую голову.

Так и пошли дальше на Базу конвоем: впереди искусственно рогатый «Лось», потом мой кровавый «Поларис», а замыкающим – «Котенок» Олега. На Степановскую факторию прибыли через три часа.

Осталась позади 160-километровая, выматывающая снегоходные подвески и собственные позвоночники тряска по мерзлomu фирну Таймырской тундры. Сейчас нас ждет жарко натопленная баня, после которой будет строганина из почти метрового мороженого чира под рюмку водки, хаш из оленьих голеней, жареная с луком оленья вырезка и долгие разговоры в клубах табачного дыма про охоту, которая была и которая у нас еще здесь будет. Завтра. 🐾

